

И.Г. Бутовский

**Фельдмаршал князь
Кутузов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Г. Бутовский**
Фельдмаршал князь Кутузов / И.Г. Бутовский – М.: Книга по Требованию,
2024. – 71 с.

ISBN 978-5-458-07887-0

Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща.
Первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 г.

ISBN 978-5-458-07887-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

браннаго на подвигъ общимъ голосомъ всей Россіи?... Здѣсь изъ ложно понимаемаго безпристрастія можно впасть въ крайности, и, желая быть новымъ, можно сдѣлаться несправедливымъ. Въ эту именно ошибку впалъ Тьеръ, обнаружившій, въ четырнадцатомъ томѣ своей «Исторіи Консульства и Имперіи», самое забавное незнаніе обстоятельствъ жизни Кутузова и грубое пристрастіе, когда началъ говорить о степени участія Кутузова въ событіяхъ кампаній 1805 и 1812 года. Сочиненіе Тьера вызвало возраженіе со стороны ближайшаго наслѣдника покойнаго фельдмаршала; но возраженіе это нынѣ парализовано рядомъ весьма короткихъ отрывковъ, появляющихся въ той же газетѣ, гдѣ было напечатано возраженіе на Тьера въ защиту Кутузова. Отрывки, о которыхъ говоримъ мы, имѣющіе между собою мало общаго и почти безсвязные, печатаются въ «Сѣверной Пчелѣ», подъ заглавіемъ: *Нѣсколько мыслей по поводу двухъ соизвѣстныхъ объ Отечественной Войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ*. Собственно говоря, «Мысли» были высказаны въ первыхъ двухъ отрывкахъ, а затѣмъ авторъ (хотя до сихъ поръ и не подписавшій своего имени, но въ которомъ, по частымъ ссылкамъ на преждеизданныя сочиненія, нельзя не узнать извѣстнаго И. П. Липранди) начинаетъ скромное повѣствованіе о своей дѣятельности въ 1812 году, о значеніи тогдашняго генеральнаго штаба въ арміи и прочихъ, повидимому, очень важныхъ для него и очень важныхъ для публики, предметахъ, пересылая эти разглагольствія нападками на сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго и опроверженіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его дѣйствительно невнимательно составленнаго повѣствованія. Направленіе и взглядъ автора болшею частію знакомы изъ преждеизданнаго г. Липранди сочиненія «*О настоящихъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи*» и пр.; но на этотъ разъ г. Липранди не ограничивается однимъ только разборомъ кампаніи 1812 года; онъ высказываетъ свои собственныя мысли о теоріи военнаго искусства, раздаетъ вѣтки тѣмъ, кто ему нравится, и съ безусловною строгостію поступаетъ съ тѣми, кто заслужилъ его немилость. Подождемъ, чѣмъ это окончится, но на первый разъ не можемъ удержаться отъ того, чтобы не высказать, какое тяжелое чувство производитъ на душу повтореніе г. Липранди словца *и*, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ: нужно ли рѣшить современные вопросы военной науки, или сказать какъ должно писать исторію, или поленить, что такое *настоящій и ненастоящій* генеральный штабъ—г. Липранди беретъ себя и свое *и* исходною точкою. Называя себя самъ человекомъ *необразованнымъ* (въ военной теоріи), г. Липранди смѣло судить и рѣдить о о всемъ.

И, наконецъ, не грустно-ли встрѣчать, рядомъ съ именами Кутузова, Барклая, Багратиона и всѣхъ именитыхъ людей дѣвятинадцатаго года, безпрестанное повтореніе *и, и, и*, г. И. П. Липранди.

Мы однако разговорились о г. Липранди гораздо болѣе, чѣмъ заслуживаютъ отрывочныя статьи его; подождемъ появленія послѣдняго отрывка и тогда скажемъ свое о нихъ мнѣніе; теперь же снова обратимся къ Кутузову. Г. Липранди заслуживаетъ особеннаго упрека за то, что, будучи очевидцемъ происходившаго въ 1812 году, онъ не хотѣлъ или не умѣлъ понять нашего великаго полководца, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорить о немъ, дѣлаетъ это съ легкостію тона, неприличною для Русскаго, цѣнящаго свою народную славу. Кутузовъ могъ имѣть своихъ завистниковъ и недоброжелателей; но какъ же офицеру генеральнаго штаба, имѣвшему завидное счастье видѣть Кутузова и состоять подъ его начальствомъ, лишитъ себя удовольствія разговаривать о томъ, какими средствами умѣлъ маститый вождь одушевлять солдатъ своихъ и заставлять ихъ рѣшаться даже на невозможное.

Мы не хотимъ писать критическаго разбора сочиненія г. Тьера, но, дабы показать, до какой степени были ложны и произвольны всѣ его отзывы о Кутузовѣ, помѣстимъ здѣсь рядъ семейныхъ писемъ Князя Михаила Иларіоновича, гдѣ самъ онъ или писавшій по приказанію Князя, зять его, Князь Кудашевъ, сообщаютъ извѣстія о происходившемъ съ 11-го Сентября по 15-е Декабря 1812 года; письма эти вполне доказываютъ, до какой степени спокойно и ясно смотрѣлъ нашъ полководецъ на значеніе совершившихся событій, заранѣе предвидѣлъ исходъ ихъ и въ послѣднемъ письмѣ высказалъ самъ, въ чемъ состояла заслуга, которую сдѣлалъ онъ для Россіи.

За сообщеніе этихъ истинно драгоценныхъ документовъ, приносимъ мы искреннюю благодарность старшему внуку Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго, Павлу Матвѣевичу Толстому (*). Письма были писаны его дѣдомъ къ матери П. М. Толстаго, Прасковѣ Михайловнѣ, урожденной Кутузовой, и отцу его, Сенатору Матвѣю Феодоровичу Толстому. Мы испросили разрѣшеніе сохранить ихъ со всѣми особенностями правописанія.... Повторяемъ, что французскія письма принадлежатъ Князю Кудашеву; на нихъ свѣтлѣйшій приписывалъ своею рукою по

(*) Павелъ Матвѣевичъ Толстой, чья память своего великаго дѣда, опредѣлилъ ежегодно на вѣчныя времена въ полкъ его имени по 300 р. сер. на поминаніе и, сверхъ того, содержитъ на свой счетъ двухъ инвалидовъ того же полка при памятникѣ, устроенномъ въ С. Покровскомъ, д. Моча, гдѣ Князь Кутузовъ пробылъ три дня до передвиженія на калужскую дорогу. Изъ пяти дочерей Князя Смоленскаго — старшая — Прасковья Михайловна, была въ замужствѣ за Сенаторомъ Матвѣемъ Феодоровичемъ Толстымъ; вторая — Анна Михайловна — за Хитровымъ; третья — Елисавета Михайловна — сначала за Тизенгаузеномъ, а потомъ за Хитровымъ; четвертая — Екатерина Михайловна — за Княземъ Кудашевымъ, а потомъ за Сорочинскимъ, и пятая — Дарья Михайловна, за Опочининымъ.

нѣскольку строкъ или писалъ тутъ же особое письмо по-русски, а когда Князь Кудашевъ былъ посланъ для партизанскихъ дѣйствій, Михайлъ Иларіоновичъ самъ цѣль переписку.

Просимъ читателя *обратить вниманіе на гисла*, когда были писаны письма эти и вспомнить, послѣ какихъ событій онѣ были написаны.

11-го Сентябрл. По оставленіи Москвы.

Кудашевъ, сообщая о домашнихъ дѣлахъ, писалъ между прочимъ: «Vous pouvez rester tranquillement chez vous car nous, portons le theatre de la guerre en environ Тула et Калуга» (т. е. Вы можете оставаться спокойно, ибо мы переносимъ театръ войны въ окрестности Тулы и Калуги).

Кутузовъ, только-что рѣшившій оставленіе Москвы, приписалъ своею рукою: «Боже васъ благослови; вѣрный другъ Михайло Г. Ку.»

15-го Сентябрл.—въ 55 верстахъ отъ Москвы.

Здѣсь Кудашевъ съ большою подробностію рассказываетъ о послѣдствіяхъ перехода съ рязанской дороги на калужскую и намѣкаетъ на будущіе планы фельдмаршала.

«Je m' imagine, bien mes chers amis, dans quelles inquiétudes vous vous trouvez à présent; votre lettre, charmante et bonne amie, n'est rempli que de questions moi si effreyante que je ne veux plus vous répondre sur aucune d'elles. Le фельдъегерь, qui vous a été envoyé il y a quatre, a du vous apprendre toutes les bonnes nouvelles donc je vous en fait part. Maintenant, mes amis, nous sommes a couvrir les chemins de Toula et Kalouga, donc vous êtes en plein sureté. L'ennemie a la verité avoir pris la direction par Kolomna, mais c'etoit jusqu'au moment qu'il ignorat notre direction; à l'instant même nous apprenons qu'il est vis-à-vis de nous, et vous jugez par la qu'il ne peut plus garder ni la route de Moscou, ni celui de Vlodymyr, ni de Erosslavle, car vous n'ignorez pas, mes bons amis, que la guerre est faite pour que les armée sse voyent se touchent (т. е. Могу гообразить, мои добрые друзья, въ какомъ безпокойствѣ вы теперь находитесь; ваше письмо, милый и добрый другъ, наполнено такими ужасающими вопросами, что я не хочу отвѣчать ни на одинъ. Посланный тому четыре дня фельдъегерь уже сообщилъ вамъ отъ меня всѣ хорошія новости (*). Теперь, мои друзья, мы прикрываемъ дороги въ Тулу и Калугу, и потому вы въ совершенной безопасности. Непріятель дѣйствительно взялъ направленіе на Коломну до той минуты, покуда не зналъ о нашемъ движеніи; сейчасъ мы узнали, что онъ стоитъ противъ насъ, и потому вы можете судить, что ему нельзя охранять дороги въ Москву, Владиміръ

(*) Кудашевъ уведомлялъ о пожалованіи М. О. Толстаго въ сенаторы.

и Ярославль, ибо вамъ не безъизвѣстно, дѣльные друзья мои, что война ведется для того, чтобы арміи видѣли и соприкасались одна другой).

Князь Кутузовъ приписывалъ: «Мой другъ, Парашенька, я васъ никогда не забывалъ и недавно къ вамъ отправилъ курьера. Теперь и въ претъ надеюсь въ Данковъ безопасно, а ежели бы приблизились (на что еще никакихъ видимостей нѣтъ), тогда можно вамъ дале уехать. Я баталію выигралъ прежде Москвы, но надобно зберегать армію и она целехонька, а скоро все наши арміи, то есть Тормозовъ Чичеговъ Витгенштейнъ и еще другіе стануть дѣйствовать къ одной цѣли и Наполеонъ долго въ Москвѣ не пробудеть. Боже васъ всѣхъ благослови. Верной другъ Михайло Г. Ку»

Далѣ приводимъ письма Князя Михаила Иларіоновича о расположеніи въ тарутинскомъ лагерѣ и начатіи партизанскихъ дѣйствій, боѣ при Тарутинѣ, преслѣдованіи Французовъ и окончательномъ ихъ изгнаніи изъ Россіи. Въ особенности замѣчательно послѣднее письмо.

«1-го Октябля.»

«Я слава богу здоровъ, стоимъ уже болѣе недѣли на одномъ месте и съ Наполеономъ смотримъ другъ на друга, наступать выжидаемъ время, между тѣмъ маленькими честми деремся всякой день и поныне всегда удачно, всякой день беремъ въ полонъ челоувѣкъ по триста и теряемъ такъ мало, что почти ничего. Кудашевъ разбойничаетъ также съ партіей и два хорошихъ дела имель. . . .

«Въ Рязань можете быть спокойны къ намъ никакой Французъ не зайдетъ.»

«8-го Октябля.»

«Шестаго числа была баталія при Чернишине и атаковалъ непріятеля вотъ кошія съ реляціи.»

«17-го Октябля.»

«Парашинка мой другъ съ Матвеемъ Федоровичемъ и съ детками здравствуй. я слава Богу здоровъ, почти для покоя леть, непріятель бежитъ изъ Москвы и мечител во все стороны и ѣзде надобно поспевать, хотя ему очень тяжело но и намъ за нимъ бегать скучно, теперь уже опъ удираетъ на смоленскую дорогу. Теперь вы далеко отъ театра и будте спокойны. Боже васъ благослови.

«21-го Октябля, за сорокъ верствъ отъ Вязьмы.»

«Парашинка мой другъ съ Матвеемъ Федоровичемъ и съ детками здравствуй, Фадей (*) вамъ скажетъ что я слава Богу здоровъ и гонюсь за Французами. Боже васъ благослови.»

(*) Человѣкъ князя.

«15-го Декабря, Вилна.»

• Посылаю къ вамъ того же офицера который былъ у васъ въ деревне отъ его услышите обо всемъ. Я слава Богу здоровъ и въ удивленіи что какая то невидимая сила перенесла меня сюда въ тотъ же домъ, въ ту же спальню, на ту же кровать где я жилъ невступно два года назадъ.

• 22-го Августа засталъ я армию скрывающуюся отъ непріятеля, а 6-го Декабря, непріятель съ бедными остатками бежитъ за границу нашу. *Разументе лзыци, и покарляйтесь яко съ нами Богъ.* Боже васъ благослови

вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

«12-го Декабря Госддаръ падълъ на меня первый классъ георгія.»

Такъ мыслить и дѣйствовалъ Кутузовъ при концѣ своего достохвальнаго поприща; взглянемъ же теперь на полководца нашего, когда судьба войны забросила его съ 40-тысячнымъ корпусомъ, въ 1805 году, въ средину Германіи и поставила лицомъ къ лицу съ Наполеономъ. Все, доселѣ совершенно неизвѣстныя подробности этой кампаніи, содержатся въ помѣщаемой вслѣдъ за симъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Первая война Александра I съ Наполеономъ I. 1805 годъ.— Авторъ ея, г. Бутовскій, служилъ рядовымъ и потомъ портупей-драпорщикомъ въ Московскомъ Мушкетерскомъ Полку и весьма отчетливо записывалъ все, поражавшее его вниманіе. Записки г. Бутовскаго, кромѣ значенія въ военномъ отношеніи, важны какъ живая и вѣрная картина прошлаго; весь рассказъ дышетъ истиною и написанъ увлекательно.

Читатель увидить, что Кутузовъ, съ которымъ мы познакомились почти при концѣ его боеваго поприща, былъ всегда одинъ и тотъ же, именно любимѣйшій изъ всѣхъ генераловъ своими солдатами и оправдывавшій эту любовь своею находчивостію, спокойствіемъ, рѣшимостію и тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ къ солдату, которое дается въ удѣлъ немногимъ.

Офицеръ Генеральнаго Штаба.

ПЕРВАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА I-го СЪ НАПОЛЕОНОМЪ I-мъ.—1805 ГОДЪ.

Описывая боевое время Александра Благословеннаго, невольно увлекаешься—присоединить къ военнымъ очеркамъ 1805 нѣсколько словъ и о давно миновшемъ жить-бытьѣ.

На восьмомъ десяткѣ лѣтъ мною пройденной жизни, перебирая въ памяти бывшее, сколько открываю различія между прошедшимъ и настоящимъ, между Россіей временъ Екатерины и Павла, и тою, которую видимъ нынѣ во всемъ ея блескѣ и крѣпости!

Изъ эпохи достопямятнаго царствованія Екатерины Великой, помню хорошо одно только *24-е Июля*, день тезоименитства нашей безсмертной Царицы. Хотя я былъ еще мальчикомъ и дѣтство мое протекло въ самой глуши, но и тамъ все сословія ожидали этого дня съ особыми приготовленіями, и, празднуя его, ликовали имя своей Августѣйшей Благодѣтельницы, такъ сказать, въ-запуски.... Что по дни Ея владычества народъ блаженствовалъ, о томъ былъ общій голосъ. Не разъ доводилось слышать похвалы Ея «*Наказу*»; не понимая значенія этого слова, и толкуя его въ превратномъ смыслѣ, я дивился, что превозносятъ розгу, которая такъ пугала меня, и была тогда въ обычномъ употребленіи при воспитаніи дѣтей.

Осталось также въ памяти, какъ дядюшка мой, читая «Московскія Вѣдомости», любовался похождениями молодого Бонапарте, говоря: «Этотъ дѣтина далеко пойдетъ!»

Еще до вступленія на солдатское поприще, съ дѣтства мною любимое, я уже, на 14-мъ году жизни, считался на службѣ съ Октября 1798 года по части гражданской. Покойная матушка моя, оставшись вдовою, слишкомъ рано оторвала меня отъ наукъ и опредѣлила въ Кіевское Губернское Правленіе; въ этомъ-то правительственномъ мѣстѣ, не смотря на юныя лѣта, въ памяти моей сильно запечатлѣлись замѣчательные годы царствованія Императора Павла Петровича. Наибольше мнѣ вѣзались въ душу—неимоверная быстрота и точное исполненіе Его царскихъ вѣлній. Какъ пѣвкимъ волшебствомъ, почти одновременно, были прорѣзаны по всѣмъ направленіямъ Имперіи нынѣ существующія широкія столбовыя дороги; мѣстѣ съ тѣмъ учреждены по городамъ и селамъ, даже по деревнямъ и деревушкамъ, шлагбаумы. Безъ вида отъ сельскаго старшины или сотскаго, далѣе пяти верстъ отъ мѣста жительства, никто не могъ пройти: и въ самое короткое время прекратились разбои, дотолѣ наводившіе повсемѣстный ужась! По всѣмъ отраслямъ гражданскаго вѣдомства разомъ введенъ строгій надзоръ и порядокъ; разгуль неправды и лихоимства вдругъ исчезъ, и на мѣсто его воцарилась строжайшая справедливость, воинская дисциплина вездѣ замѣнила пошатнувшуюся подчиненность. При столь крутыхъ, но общепользныхъ перемѣнахъ, послѣдовало измѣненіе и по части военной: русскія войска ливились въ новой формѣ; она была несравненно сложнѣе и тяжелѣе формы временъ Екатерины II, однако это не помѣшало Суворову громить Французовъ. По духу того времени, Императоръ Павелъ находилъ необходимымъ нѣсколько болѣе озаботить войска аммуниціей и фронтовою выправкой; за то уже каждая копейка доходила до рукъ солдата: недовольные, въ день инспекторскаго смотра, клали себѣ за перевязь жалобы.

Инспекторъ (*), проходя по фронту, самъ ихъ вынималъ, и на мѣстѣ же чинилъ расправу и строгое взысканіе съ виновныхъ. Живо тогдашніе вахтъ-парады! Нижніе чины въ пѣхотѣ носили зеленые мундиры прусскаго покроя, съ долгими полами, схваченными на крючекъ, и подбосемъ изъ красной или бѣлой каразеи; по цвѣту воротника и обшлаговъ; галстухъ узенькій, шляпы треугольныя (**), съ кокардами и оторочкой изъ бѣлой тесьмы, волосы подъ пудрой съ пуклями и длинною косою, панталоны бѣлаго сукна, и вмѣсто сапогъ башмаки и штилеты; португеею и перевязь бѣлая, патронныя сумы изъ черной лакированной кожи съ Императорскимъ гербомъ, и на плечахъ телячій ранецъ на бѣлыхъ кожаныхъ помочахъ,—все было пригнуто щегольски, въ обхватъ: солдатскіе тесаки и ружья были тяжелые, съ широкимъ штыкомъ. Унтеръ-офицеры носили галуны съ двухсаженными алебардами и тростью подлѣ тесака. Офицерскіе мундиры были того же покроя, долгополые, съ короткимъ воротникомъ и длиннымъ лифомъ; къ нимъ присоединялись серебряный шарфъ, серебряный знакъ на груди, треугольная шляпа безъ оторочки и экспантонъ въ рукахъ; начальникъ полка, баталіонные командиры и адъютанты ѣздили на куцыхъ лошадаяхъ: весь этотъ нарядъ нѣсколько походилъ на крестоносцевъ среднихъ вѣковъ, и имѣлъ видъ каргинный, по тогдашнему плѣнительный. Часто л, разиня ротъ, восхищался русскимъ строемъ, и грустилъ, что запрещали послѣдовать непреодолимому влеченію вступить въ ряды солдатъ. На инспекторскихъ смотряхъ, особенно во время прохожденія корпусовъ черезъ Кіевъ, на сборные пункты подъ Черниговъ, я день въ день, съ утра до вечера, торчалъ на площадяхъ, и съ завистью смотрѣлъ на служивую молодежь; бывшіе изъ Италіи и того болѣе волновали кровь; многие изъ офицеровъ имѣли по два или по три креста; въ Повало-Швейковскомъ Полку (***) офицеры всѣ до одного были съ орденами. Толпившійся кругомъ

(*) Нынѣшній дивизіи тогда именовались *инспекціями*, а начальники дивизій — *инспекторами*.

(**) Кромѣ гренадеровъ, у которыхъ вмѣсто шляпы были острия латунныя каски, съ надписью: *Съ нами Богъ!* Теперь въ одномъ только Лейбъ-Гвардіи Павловскомъ Полку сохранились на память павловскія каски.

(***) Полки именовались тогда по имени своихъ шефовъ, а такъ какъ шефы часто перемѣнялись, иногда на мѣсяцъ по два и по три, то эта поименная численность полковъ въ русской арміи, почти безпрерывно умножавшаяся во все продолженіе италійской кампаніи, пугала французскихъ генераловъ и приводила въ заблужденіе великій Суворовъ и съ малыми силами постоянно торжествовалъ надъ многочисленными противниками. Непріятель никакъ не подозревалъ, что одинъ и тотъ же полкъ носилъ въ теченіи мѣсяца три и болѣе именъ и эта мистификація сильно дѣйствовала на Французовъ, при быстротѣ и вѣрности Русскихъ, вѣдимахъ безсмертными Суворовыми.

меня народъ, любясь и благословляя русскую рать, бормоталъ про-
межь себя: «Что, сударики наши идутъ на новую драку, куда-то за
море Каспiю.» Это приподило меня въ отчаянiе до того, что мнѣ хо-
тѣлось бѣжать изъ Губернскаго Правленiя въ первый ближайшiй полкъ.
Секретарь Заковтобскiй, которому поручено было отъ моей матери на-
блюденiе за мною, узнавъ о моей привязанности къ воинской регулѣ и
частыхъ отлучкахъ при проходѣ войскъ, арестовалъ меня на цѣлую
недѣлю. Вдругъ смерть Императора Павла поразила всѣхъ до глубины
души! Заковтобскiй, не зная почему, какъ-то сдѣлался смѣлѣе, грозилъ,
что арестуетъ меня на мѣсяць, и рассказалъ о моей воинской страсти
совѣтникамъ Ергольскому и Пражевскому, которые однако ко мнѣ бла-
говолли.

Съ восшествiемъ на престолъ Александра, сдѣланы въ войскахъ иѣ-
которыя перемѣны. Прежде всего отиѣнены офицерскiе экспантопы
и прежнiй покрой мундира; въ то же время отброшены штилеты и
пукли: длина же косы укорочена только по воротникъ. Но другiя не-
повведенiя Павла, по гражданской администраци, и все что относилось
къ фронту и военной дисциплинѣ, за немногимъ лишь исключенiемъ,
сообразно съ ходомъ новѣйшихъ улучшенiй, славные преемники его
последовательно удержали навсегда.

Съ небольшимъ черезъ годъ по воцаренiи Александра, обнародо-
ванъ указъ: «что русскiй дворянинъ, первоначально не служившiй въ
военной службѣ, не можетъ быть принятъ къ статскимъ дѣламъ.»—
Содержанiе указа, ясно опредѣлявшее прямую обязанность дворянина,
вступающаго на поприще служенiя, еще болѣе побудило меня пере-
мѣнить родъ службы. Хотя я уже состоялъ въ чинѣ Коллежскаго Ре-
гистратора, однако считалъ позволительнымъ, вопреки запрещенiю моей
матери, промѣнять перо на шпагу. Чтobъ скорѣе отдѣлаться отъ чер-
нилъ и аргуса, Заковтобскаго, я не долго медлилъ, и, написавъ на Высо-
чайшее имя прошенiе, явился къ Военному Губернатору Торماسову. При
выходѣ Тормасова къ просителямъ, наружность моя и лѣта обратили
его вниманiе; онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и я подалъ ему просьбу;
пробѣжавъ ее съ улыбкою, онъ спросилъ меня: «Ты желаешь, голуб-
чикъ, служить подъ ружьемъ?— Точно такъ!— Да знаешь-ли, что не
иначе будешь принятъ какъ подпрапорщикомъ: ты терлешь статскiй
чинъ (*).— Знаю, отвѣчалъ я,—но готовъ служить даже рядовымъ!» Во-
енный губернаторъ взглянулъ на приблизившагося къ намъ генерала,
Дмитрiя Сергiевича Дохтурова, и, взявъ меня за подбородокъ, сказалъ:

(*) Прiемъ съ пониженiемъ чина изъ статской службы въ военную многихъ
тогда поражалъ своею новостiю: удивлялись данному преимуществу военнымъ,
пока, наконецъ, увидѣвъ, какъ дорого обходится заслуги воину, особенно во
времена Наполеоновской борьбы, убѣдились въ справедливости этого отличiя.

«*Поздравляю, ты принятъ*». Доктуровъ тутъ же хлопоталъ о назначеніи меня въ Московскій Мушкетерскій Полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, и ласково приказалъ мнѣ явиться къ нему на квартиру. Эта сцена, столь торжественная на страницахъ моей жизни, происходила 16-го Декабря 1803 года. Черезъ два дня я уже былъ обмундированъ, и, сколько помню, отъ радости не чувствовалъ подъ собой земли: такъ было на душѣ весело, что попалъ въ защитники отечества и надѣлъ военный мундиръ.

Уже въ мундиръ, при тесахъ, я отправился къ г. Заковтобскому на домъ, благодарить за его родительское попеченіе обо мнѣ; съ наморщеннымъ челомъ, блѣденъ, какъ бы испуганный, встрѣтилъ меня мой менторъ, и обошелся довольно холодно. Прощальныя слова его были: «Жаль, что промѣнялъ прочный гражданскій путь на шаткое капральство». Въ отвѣтъ, я пожелалъ ему быть первымъ совѣтникомъ. Юная дочь его, всегда меня провожавшая до подъѣзда, напоследки не была столько любезна, и смутно глазами проводила лишь до двери.

Инспекторскій адъютантъ Галюшка велѣлъ мнѣ явиться къ Канитану Клименку, въ 5-ю мушкетерскую роту, занимавшую квартиры въ двухъ большихъ селахъ, на лѣвой сторонѣ Дитпра. Г. Клименко обошелся со мною притѣливо и далъ мнѣ въ дядьки бойкаго ефрейтора Качалова. Цѣлый мѣсяць прослужилъ я за простаго рядоваго и Качаловъ усердно преподавалъ лекціи въ ружейныхъ приемахъ и маршировкѣ. Изъ ротныхъ офицеровъ, одинъ прапорщикъ, фамиліи не помню, частенько ломался надо мною съ площадными эпитетами; фельдфебель Пятницкій тоже, не менѣе прапорщика, званіемъ, протяжно называя меня и моихъ товарищей довольно двузнаменательно: «Дво-ри-це! . . .» Качаловъ, угадывалъ по движенію моихъ бровей, что мнѣ вовсе не нравятся выходы прапорщика и фельдфебеля, обыкновенно твердилъ, чтобъ я не скучалъ и старался быть примѣромъ необходимой субординаціи:—«Будете офицеромъ,—онъ говаривалъ,—и этотъ самый гордецъ-фельдфебель станетъ, какъ верста, на вытяжку передъ вами, лишь завидитъ хоть тѣнь вашу». Я любилъ Качалова какъ роднаго. Однажды Поручикъ Кандиба спросилъ моего новаго ментора: «Хорошо-ли Буговскій мечетъ ружьемъ?»—Какъ наилучшій мильдъ-ефрейторъ, ваше благородіе, отвѣтилъ Качаловъ.—«Стало быть, превосходить тебя?»—Не совсѣмъ, но скоро перегонитъ!

Стопка по деревнямъ правилась солдату; но ходеніе въ Кіевъ для содержанія карауловъ считалось большой пыткой. Баталіоны обыкновенно чередовались помѣслчно, и тридцати-дневное пребываніе въ городѣ дорого обходилось для здоровья нижнихъ чиновъ. Кромѣ чистки аммуниціи, занимавшей каждаго съ утра до вечера, главное, что затрудняло солдата—блѣненіе панталонъ, портупецъ и перевязи, особенно

же уборка его головы. Еще съ полуночи подымаются и начинают натирать тупей и косу свѣчнымъ саломъ, и набивать, взамѣнъ пудры, крупичатой мукою; каждаго одѣвають и осмагриваютъ какъ жениха, и когда готовъ, новое, самое трудное положеніе, чтобъ соблести всю чистогу и не измѣять прически до десяти часовъ утра, пока не кончится разводъ. Солдаты могъ вздремнуть не иначе, какъ сидя, вытянувъ ноги, и, прислонясь спиной къ стѣнѣ, держать взчерошенную голову горизонтально, чтобъ не обить пудры; малѣйшій изъльцъ на головѣ или на бѣльѣ пятнышко и—возня вновь до бѣла дня: въ-частую, фельд-фебель избобеть тростью неосторожнаго на пропалую. Въ лагерной жизни несравненно менѣе ухода за лавержетами, рѣже пудрились, и це настояло надобности изнурять людей утомительной прическою.

Очень забавенъ этого времени покрой офицерскаго мундира. При Павль, воротники едва закрывали половину шеи. Прежде лифъ, по росту человека, былъ длинный; въ наше же время укороченъ болѣе чѣмъ на пядь, и фалды узкія искошены до-нельзя; шарфы подвизывали почти подъ грудь, и на шеѣ, вмѣсто скромнаго галстуха, *жабо*. Просто, видъ офицеровъ—*пиковые валеты!* Волосы носили длинные; шляпы высокія на бекрень, съ чернымъ пѣтушнымъ султаномъ. Такъ это шло пока заключили тильзитскій миръ, послѣ котораго прежде всего отброшена унтеръ-офицерская трость, долго игравшая большую роль; потомъ введена постройка мундира по галин, болѣе по формѣ Наполеоновской—съ эпогетами. Стрижка офицерскихъ волосъ также измѣнилась; приказано стричь по солдатски, *подъ гребенку*, и вовсе запрещены *жабо* и бантики.

И удивительно, все что нынче было бы смѣшно и сгранно, тогда, напротивъ, имѣло для глазъ видъ чудесный, и казалось, что пригоднѣе ничто уже не могло быть придумано. Къ военному покрою поддѣльвался и покрой гражданскій: благородный фракъ искажали до невѣроятности; лифъ поднять былъ до безобразія, и узенькія полы болтались въ родѣ рыбьяго хвоста. Даже дамы платили дань тогдашнему вкусу ратныхъ нарядовъ: покрой ихъ платья имѣлъ сходство во многомъ, особенно своимъ лифомъ, ужастъ высокимъ. Я знаю еще нѣскольکو почтенныхъ старушекъ, тогдашнихъ щеголихъ, блиставшихъ красотою, которыя, припоминая тѣ времена, не могутъ *не вздохнуть* и не сказать нѣсколько похвальныхъ словъ прежнему покрою офицерскаго мундира и прочаго воинскаго убранства. Военный туалеть, лифъ прилаженный такъ умно и близко къ натурѣ человека, самая лоякость молодыхъ воиновъ и скромность ихъ обращенія уже не трогаютъ бабушекъ, даже нѣкоторыхъ дѣдовъ, а только ихъ смущаютъ.

Апрѣля 26-го 1805 года меня произвели въ португей-прапорщики,